

красками. И здѣсь, правда, опять были переходныя черты, — въ юношеской поэзіи Пушкина еще держалась та унаслѣдованная отъ предшественниковъ условная поэтическая фразеологія, мѣшавшая языкъ антологіи съ языкомъ новѣйшей французской поэзіи, но рядомъ съ этимъ уже съ самаго начала были черты, тѣсно примыкавшія къ жизни и составлявшія ея чистый, непосредственный отголосокъ. Наконецъ, яркая разница стараго и новаго поколѣнія сказалась въ отношеніи къ народной поэзіи. Батюшкову она была чужда, какъ и всему его кругу: эта поэзія не вязалась ни съ изысканной эпикурейской манерой, свое выраженіе которой Батюшковъ вырабатывалъ съ помощію далекихъ образцовъ, ни съ туманнымъ романтизмомъ, который увлекалъ предшественниковъ Пушкина въ формѣ Оссіана, новѣйшей англійской и нѣмецкой баллады: если и встрѣчался иной русскій мотивъ, онъ былъ понимаемъ и излагаемъ въ тонѣ чужеземной баллады ¹⁾. У Пушкина было иначе: онъ такъ высоко ставилъ народно-поэтическую стихію, что, какъ извѣстно, даже приписывалъ ей исправленіе недостатковъ своего воспитанія; ему помогло въ оцѣнкѣ этой стихіи его тонкое художественное чувство, — въ произведеніяхъ народной поэзіи, пѣснѣ и сказкѣ, наконецъ, въ простой народной рѣчи, онъ угадывалъ изящные поэтическіе мотивы, мѣткія выраженія, оригинальные обороты, словомъ, ту свѣжесть народнаго творчества въ поэзіи и языкѣ, какой не знала тогдашняя ходячая книжность и которую долго спустя объяснила научная филологія и старалась употребить въ дѣло литература.

Такимъ образомъ, сопоставляя Пушкина съ его предшественниками, мы во всѣхъ сторонахъ ихъ поэтической дѣятельности — въ содержаніи поэтическихъ идеаловъ, въ отношеніи къ дѣйствительности исторической и современной, въ чувствѣ народности, въ поэтической формѣ и языкѣ, — находимъ на первыхъ порахъ извѣстную преемственность, но затѣмъ и великую разницу. Въ оцѣнкѣ этой разницы представляется прежде всего мысль о необыкновенномъ дарованіи, создававшемъ новыя пріобрѣтенія; но было здѣсь и общее явленіе: великій успѣхъ Пушкина былъ вмѣстѣ результатомъ времени, котораго онъ сталъ великимъ представителемъ; менѣе талантливые современники Пушкина были независимо отъ него настроены иначе, чѣмъ предидущее поколѣніе; въ ихъ умахъ возникали новыя требованія общественныя и литературныя. Наступала новая историческая

¹⁾ „Муза Батюшкова, — замѣчаетъ опять Бѣлинскій, — вѣчно скитаясь подъ чужими небесами, не сорвала ни одного цвѣтка на русской почвѣ“. Соч. т. VIII, стр. 515.